

РЕЦЕНЗИИ

НОВАЯ КНИГА О ВОЛОШИНЕ

Рецензия на книгу: *Пинаев С.М.* Поэт ритма вечности. Пути земные и духовные возношения Максимилиана Волошина. М.: Азбуковник, 2015. 800 с.

О.И. Федотов

Московский институт открытого образования
Авиационный пер, д. 6, Москва, Россия, 125267

Рецензия посвящена анализу книги известного российского исследователя творчества Максимилиана Волошина профессора С.М. Пинаева. В ней отмечен итоговый характер труда, в котором синтезировались различные исследовательские дискурсы, в частности биография великого поэта, анализ творчества и мировоззрения. В книге в контексте культуры Серебряного века раскрывается незаурядность его поэтического таланта, его вклад в сокровищницу русской и мировой поэзии. Исследователь стремится раскрыть значение Волошина в споре с теми исследователями, которые в различные времена давали недостаточно полную и объективную оценку творчества поэта.

Ключевые слова: Серебряный век, жизнь и творчество Волошина, мировоззрение, эстетика

Название книги отсылает к глубокомысленному выражению Алексея Толстого, удивительно точно и емко передающему основной пафос мощного таланта Максимилиана Волошина, земного и одновременно пронизанного токами Космоса. Еще более проясняет концептуальную установку автора подзаголовков, первая часть которого актуализирует биографическую форму повествования, а вторая — ее сокровенный символический смысл.

С.М. Пинаев шел к своему итоговому исследованию о Волошине, что называется, издавдалека, обнаруживая на подступах к нему несколько монографий, не один десяток статей, научных докладов и театрализованных выступлений, защитив по его творчеству докторскую диссертацию, выступив в качестве редактора-составителя таких авторитетных изданий, как «Закрыт нам путь проверенных орбит...»: М. Волошин, Н. Гумилев, О. Мандельштам. Возвращение поэзии (1990), Доблесть поэта. Избранные произведения и письма и Творчество Максимилиана Волошина: Семантика. Поэтика. Контекст: Сб. статей (оба — 2009).

В результате в одно органическое целое синтезировались весьма разнообразные жанрово-стилистические дискурсы: это и предельно подробная биография Во-

лошина в контексте драматических событий, разыгравшихся в России и за ее пределами до и после рокового октября 1917 г., и попутный анализ написанных в соответствующих обстоятельствах стихотворений, и исследование мировоззренческих идей, которым был привержен поэт. Никакого, однако, эклектического дисбаланса, в результате, не создано. Напротив, все слагаемые сингармонично слились, дополняя и усиливая друг друга.

Книга состоит из 20 беллетризованных глав с выразительными заголовками, прологом («Великий Пан Коктебеля») и эпилогом («Явь наших снов»), а также с характерными для научных штудий «довесками»: Хронологической канвой жизни и творчества М.А. Волошина и Библиографией. Мастерски подобранные, выстроенные в единый ряд заголовки образуют символическое оглавление не слишком длинной, но исключительно яркой и содержательной жизни поэта: «Ребенок — непризнанный гений» — «Страна синих скал» — «Пустота и бесплодное искание» — «Туда — в пространство человеческого мира» — «К свету искусства — в Париж» — «Не расставаться с грустным счастьем» — «Мистерия готических соборов» — «Терять друг друга на пути» — «Руслом одним, не смешивая воды» — <...> «В дни великих шумов ратных» — «Разгулялись бесы» — <...> «Не изгой, а пасынок России» — «Среди верховных ритмов мироздания» и т.д. Время от времени некоторые событийные сгустки естественно и непринужденно разворачиваются в своеобразные новеллы, наиболее яркие из которых — история любви между Волошиным и Сабашниковой, дружба-соперничество с Вячеславом Ивановым, мистификация с Черубиной де Габриак, достопамятная дуэль с Гумилевым и, конечно, многочисленные эпизоды вызволения жертв как белого, так и красного террора.

О незаурядном писательском мастерстве автора красноречиво свидетельствуют широко и умело употребляемые им тропы, аллюзии и сопоставления. Например, для того, чтобы подчеркнуть невероятную трудоспособность Волошина во время его пребывания в Москве в начале 1917 г., эмоционально передать его редкий дар жить «взахлеб», на пределе отпущенных человеку природой возможностей, Пинаев сравнивает «город, в котором он не может оставаться наедине с самим собой, город, который раскручивает и заверчивает», — с «гигантской центрифугой», раздирающей его «на мелкие кусочки» (501).

Не менее ярко расцвечивают повествование со знанием дела подобранные мифологические параллели. Так, Волошин предстает то прирученным кентавром, то великим Паном Коктебеля, то Приапом, то забывшим себя Киммерийским богом, а при упоминании слепцов, исполняющих духовные, конечно, не песни, а стихи «про кровь, про казнь, про суд», воспроизводится очень уместный вечный образ пророка, вглядывающегося в будущее вещими парадоксально-незрячими глазами. Конечно, в начале этого ассоциативного ряда стоят знаменитые античные слепцы во главе с легендарным Гомером, прорицателем Тиресием, к которому спускается в Аид Одиссей, чтобы доподлинно узнать о том, что его ожидает в дальнейшем, и, разумеется, царем Эдипом, ослепившим себя и только после этого по-настоящему прозревшим для того, чтобы прочесть и истолковать тайные знаки судьбы.

Как исследователь-литературовед Пинаев понимает, что неповторимая индивидуальность писателя, отличавшегося к тому же фонтанирующей коммуникабельностью и толерантностью, лучше всего проявляет себя при сравнении с окружающими его современниками. Поэтому совсем не лишними представляются рассыпанные по страницам книги — каждый раз, как у Плутарха, в пару к Волошину — экспресс-характеристики Ивана Шмелева, Андрея Белого, Марины Цветаевой, Сергея Эфрона, Ильи Эренбурга, Вячеслава Иванова, Валерия Брюсова, Александра Блока, Николая Гумилева, Осипа Мандельштама, Анны Ахматовой, Владислава Ходасевича, Николая Тuroверова, Велимира Хлебникова, Марии Петровых, Бориса Пастернака, Ивана Ильина, Николая Бердяева и многих других людей, с которыми так или иначе сводила его судьба.

Особую озабоченность автора вызывает недостаточно, на его взгляд, определенная, а порой просто искаженная трактовка жизни и личности, а потому необъективная оценка грандиозного творческого наследия хозяина Дома поэтов, его вклада в культуру Серебряного века, как, впрочем, и самого масштаба его таланта. Единодушия здесь, разумеется, нет и быть не может, чему в немалой степени способствовала уникальная противоречивость самого Волошина, великого примирителя всего и вся, неутомимого «сглаживателя углов», феноменального адепта всех мало-мальски экстравагантных научных, мистических и идеологических концепций. Его мировоззренческие парадоксы отказывались понимать современники, особенно те из них, кто был фанатически предан какой-либо одной, казавшейся им непререкаемой идее, для кого его всеядность выглядела по крайней мере подозрительной.

Стараясь примирить непримиримых противников, Волошин то и дело попадал под горячую руку и тем, и другим, и белым, и красным. Выручала писателя, как ни странно, все та же пресловутая общительность. Почти всегда в среде одерживающих верх и осуществляющих репрессии властей находились или симпатизирующие ему люди, или чем-то обязанные ему, или воспринимавшие его как неисправимого чудака. Наверное, только благодаря этому его миновало красное колесо террора, и он худо-бедно дожил до своей естественной смерти.

Однако инерция непонимания распространилась и на более поздние, не столь ожесточенные времена. Чего, к примеру, стоит разухабистая характеристика писателя в рецензии Игоря Михайлова на предыдущую книгу Пинаева «Максимилиан Волошин, или Себя забывший Бог» (Сер. ЖЗЛ, 2005) под хлестким заголовком «Потешные хари с ватными бородами», опубликованной в «Независимой газете» (2005, 16 июня): «...Вся жизнь Волошина — по сути, сплошной спектакль с переодеваниями, маскарад со сменой костюмов и масок. Отсюда его взгляды на жизнь, вернее полное отсутствие таковых, а также на литературу, искусство, очень точным копиистом которой он оставался до конца своих дней. Отсюда и его всеядность. Волошин, словно Протей, принимает разные облики: поэта, и художника, и искусствоведа, не будучи по-настоящему ни искусствоведам, ни философом, ни художником и ни поэтом». К таким откровенно пристрастным выводам могли привести только недобросовестность или полная эстетическая глухота. Так и слышатся разносные интонации из какой-нибудь «Красной нови»

1930-х годов! Будь у Волошина музой вместо Маргариты Сабашниковой ее булгаковская тезка, критику бы точно не поздоровилось!

Впрочем, среди основных задач, которые ставил перед собой автор монографии, наверняка было стремление расставить все точки над «и» в его непростой биографии, дать исчерпывающую характеристику творчества, дискредитировать вздорные суждения о нем подобных доморожденных волошиноведов, привести в стройную систему разнонаправленные векторы его неординарной индивидуальности и, разумеется, прежде всего, запечатлеть адекватный его личности литературный портрет, сопроводив его своим личным, глубоко интимным отношением. Помещенный на тыльной стороне обложки портрет исследователя довольно точно «рифмуется» с весьма редко публикуемой и на редкость выразительной фотографией поэта, представленной на ее фронтальной стороне. Так бывает всегда, когда долгое время живут рядом или супруги, или неразлучные друзья, или художник и его модель. Родственные духовные гены неминуемо проявляются даже во внешнем сходстве.

Насколько же удалось Пинаеву осуществить все задуманное? Подобно Волошину, он ведет повествование неторопливыми, округлыми фразами, сопровождая их плавно-уравновешенной образной жестикоуляцией, избегает агрессивных категоричных суждений, обильно цитирует высказывания, как самого героя своего исследования, так и его многочисленных и многообразных собеседников, вникает в пеструю разноголосицу эстетических и философских исканий эпохи, которым страстно отдавался поэт и которые в той или иной мере формировали его как художника и мыслителя, не проходит и мимо парадоксальных противоречий его характера и судьбы. Касаясь экстравагантных поступков и выступлений Волошина, без упоминания о которых его образ утратил бы жизненную достоверность, Пинаев стремится не просто рассказать или напомнить о них, но и так или иначе найти им резонное объяснение, вскрыть и обосновать объективные причины редких, но исключительно ярких вспышек волошинского бунта против общепринятых мнений.

Свой аполитизм Волошин прокламировал неоднократно, но был ли он совершенно чужд политике, когда принимал участие в студенческих волнениях, будучи студентом Московского университета и исключался из него с волчьим билетом? Был ли он, действительно, вне политики, создавая циклы стихов о французской революции и о тотальном терроре, разыгравшемся в его собственной стране в годы гражданской войны, и отыскивая его истоки в глубоком историческом прошлом? Наконец, уходил ли он от злобы дня, от жестокой политической схватки, когда поочередно вступался то за белых, то за красных, вполне сознавая, что и ему самому при этом грозила смертельная опасность?

Как поэт, пророк и провидец он трезво разбирался в движущих силах современного политического процесса и предугадывал его перспективы. Таковы, например, его многими теперь разделяемые суждения об изначальной порочности самой идеи социализма, в которой он усматривал «самую страшную отраву машинного демонизма Европы», утверждая, что «пролетарии, так страшно ненавидящие “буржуазию”, берут от нее все ее яды, отбрасывая то, что есть в ней от

общей духовной культуры — “аристократической” культуры человечества». Парадоксальным образом социализм у него возводился к «германизму», поскольку и то и другое есть не что иное, как следствие обожествления «здорового комфортабельного эгоизма». Без отголосков прекраснодушных идей, развиваемых в свое время Чернышевским в романе «Что делать?», здесь, думается, не обошлось. В результате «всю нашу революцию» он квалифицирует как «грандиозную германскую провокацию».

Ярким примером эстетического вызова устоявшемуся конформизму можно считать его знаменитое выступление на диспуте в оправдание дикой выходки Абрама Балашова, изрезавшего ножом картину И.Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван». Не только поэт, но и художник, и искусствовед, для которого, как он признавался в одной из анкет, Репин был одним из величайших и любимых живописцев, Волошин прекрасно понимал, что варварскому поступку душевнобольного Балашова нет прощения, но наперекор общему мнению он признал за ним право выразить хотя бы таким образом протест против крайнего натурализма в искусстве. «Меня интересует вовсе не степень душевной болезни Абрама Балашова, писал он позднее в своей брошюре “О Репине”, а тот магнит, который привлек его именно к этой, а не к иной картине. Его крик “Довольно крови! Довольно крови!” достаточно ясно говорит о том, что выбор его был ни случаен, ни произволен. За минуту перед этим он простоял довольно долго перед суриковской “Боярыней Морозовой”, но на нее он не покусился».

Примерно те же самые слова готов был прокричать и сам поэт в годы гражданской войны, когда «разгулялись бесы», предсказанные Пушкиным и Достоевским, забывая напрочь об инстинкте самосохранения. Его попытки отыскать корни самоубийственной народной ярости в предшествующих эпохах отечественной и мировой истории («Армагеддон», цикл «Термидор», «Dmetrius-Imperator», «Стенькин суд», «Китеж», «Протопоп Аввакум»), негативная оценка деятельности «первого большевика» Петра, «замыслившего Россию перебросить,/ Склонениям и нравам вопреки,/ За сотни лет к ее грядущим далям./ Он как и мы, не знал иных путей./ Опричь указа, казни и застенка...», амбивалентная характеристика столкновения правоты и неправоты борющихся сторон:

Одни восстали из подполий,
Из ссылок, фабрик, рудников,
Отравленные темной волей
И горьким дымом городов.

Другие — из рядов военных,
Дворянских разоренных гнезд,
Где проводили на погост
Отцов и братьев убиенных.

В одних доселе не потух
Хмель незапамятных пожаров,
И жив степной, разгульный дух
И Разиных, и Кудеяров.

В других — лишенных всех корней —
Тлетворный дух столицы Невской:
Толстой и Чехов, Достоевский —
Надрыв и смута наших дней.

Одни возносят на плакатах
Свой бред о буржуазном зле,
О светлых пролетариатах,
Мещанском рае на земле...

В других весь цвет, вся гниль империй,
Все золото, весь тлен идей,
Блеск всех великих фетишей
И всех научных суеверий...

(Гражданская война)

— все это красноречиво свидетельствовало о последовательном стремлении «самого аполитичного» поэта не уклоняться от схватки, а стоять над ней, бесстрашно парить «на двух крыльях», и о его редком даре судить о злободневном настоящем с точки зрения будущего.

Неслучайно именно он сумел без идеологической однобокости расшифровать истинный замысел блоковских «Двенадцати», назвав поэму «одним из прекрасных художественных претворений революционной действительности. Не изменяя самому себе, ни своим приемам, ни формам, Блок написал глубоко реальную и — что удивительно — лирически-объективную вещь. Этот Блок, уступивший свой голос большевикам-красногвардейцам, остается подлинным Блоком “Прекрасной Дамы” и “Снежной маски”».

Именно Волошин предпринял прозвучавшую диссонансом отважную попытку развеять всеобщее заблуждение, будто бы в поэме изображены двенадцать красногвардейцев в виде апостолов, хотя на самом деле он преследуется ими: «Двенадцать блоковских красногвардейцев изображены без всяких прикрас и идеализации (“На спину б надо бубновый туз!”); никаких данных, кроме числа 12, на то, чтобы счесть их апостолами, — в поэме нет. И потом, что же это за апостолы, которые выходят охотиться на своего Христа?». Что касается кровавого флага в его руках, полагает Волошин, «в этом тоже нет никакой двусмысленности — это новый крест Христа, символ его теперешних распятий».

С «разгулявшимися бесами» у Волошина напрямую перекликаются «демоны глухонемые» тютчевского извода. Мало того, они у него еще и ослепли, но это не мешает им править обезумевшим миром. «Космическое дело поэта, писал в своей статье «Поэзия и революция (Александр Блок и Илья Эренбург)» Волошин, может иногда совпадать с гражданскими и политическими полезностями, потому что всякая текущая политическая борьба с ее говорливостью является всегда одним из самых глухонемых, изо всех глухонемотствующих вихрей этого мира, нуждающихся в имени». Истинный поэт при этом «будет всегда стоять по ту сторону партийной слепоты».

Кто-кто из поэтов серебряного века, но Волошин менее других был подвержен повальной эпидемии демонизма. Он был поэтом в истинно человеческой ипо-

стаси своего призвания, мужественно противостоящим демоническим вызовам его эпохи и, казалось бы, неотвратимым ударам судьбы, умудряясь сохранять, говоря словами Бунина, «благорасположение ко всему и ко всем» и получать «удовольствие от всех и от всего».

Возможно, не все согласятся с такой трактовкой жизни и творчества Максимилиана Волошина, но предложенный С.М. Пинаевым вариант убеждает гигантским биографическим материалом, тщательно отобранным и адекватно осмысленным, соотнесенным с его окружением и эпохой, а также незаурядным писательским мастерством, позволившим нарисовать неповторимый образ поэта, которому удалось уловить и адекватно воплотить не только дисгармоническую какофонию выпавшей ему повседневности, но и неисповедимые ритмы вечности.

A NEW BOOK ABOUT VOLOSHIN

Review of the book: Pinaev S.M. *Poet of the Rhyme or Eternity. Earthly ways and Spiritual donations of Maximillian Voloshin*. Moscow. "Azbukovnik" Publishing house, 2015, 800 p.

O.I. Fedotov

Moscow Institute of open education
Aviacionnyj per., 6, Moscow, Russia, 125267

The Review is devoted to the analysis of monography book by famous researcher of Russian poet M. Voloshin. It states the final character of the book, which contains various discourses of Voloshin's studies: his biography, analyses of poetry and his outlook. Through the context of Silver Age Culture the book gives the sketches of poetical talent, his contribution to the treasuries of World and Russian Poetry. The researcher reveals Voloshin's significance through controversy with various views of other researchers.

Key words: Silver Age, life and poetry of Voloshin, outlook, aesthetics